

Толстой Лев Николаевич

**Посмертные записки старца
Федора Кузьмича, умершего 20
января 1864 г. в Сибири, близ
города Томска, на заимке купца
Хромова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Посмертные записки старца Федора Кузьмича, умершего 20 января 1864 г. в Сибири, близ города Томска, на заимке купца Хромова / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77208-2

ISBN 978-5-519-77208-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

С.-Петербургскимъ Комитетомъ по дѣламъ печати 24 февраля с. г. былъ наложенъ арестъ на «Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича» Л. Толстого, помѣщенныя въ № 2 за 1912 г. журнала «Русское Богатство».

20 марта с. г. С.-Петербургская Судебная Палата въ II Уголовномъ Департаментѣ въ распорядительномъ засѣданіи слушала предложеніе прокурора Судебной Палаты отъ 12 марта 1912 г. за № 3531 съ сообщеніями Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 24 февраля с. г. за № 2555 и отъ 9 марта с. г. за № 3201 о наложеніи ареста на «Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича» Л. Толстого.

Разсмотрѣвъ означенныя сообщенія, опредѣлила: оставить въ силѣ распоряженіе С.-Петербургскаго Комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на означенную статью впредь до исключенія 16 строкъ изъ нея на 23 стр.

Въ нашемъ изданіи это мѣсто, согласно этому постановленію С.-Петербургской Судебной Палаты, исключено.

Редакція.

Посмертныя записки

СТАРЦА

Федора Кузьмича,

*умершаго 20-го января 1864 года въ Сибири,
близъ города Томска, на заимкѣ купца Хромова.*

Еще при жизни старца Федора Кузьмича, появившагося въ Сибири въ 1836 году и прожившаго въ разныхъ мѣстахъ 27 лѣтъ, ходили про него странные слухи о томъ, что это—скрывающій свое имя и званіе, что это—не кто иной, какъ императоръ Александръ I; послѣ же смерти его слухи еще болѣе распространились и усилились. И тому, что это былъ дѣйствительно Александръ I, вѣрили не только въ народѣ, но и въ высшихъ кругахъ и даже въ царской семьѣ въ царствованіе Александра III. Вѣрилъ этому и историкъ царствованія Александра I ученый Шильдеръ.

Поводомъ къ этимъ слухамъ было, во-первыхъ, то, что Александръ умеръ совершенно неожиданно, не болѣвъ передъ этимъ никакой серьезной болѣзнію; во-вторыхъ, то, что умеръ онъ вдали отъ всѣхъ въ довольно глухомъ мѣстѣ—Таганрогѣ; въ-третьихъ, то, что, когда онъ былъ положенъ въ гробъ, тѣ, кто видѣли его, говорили, что онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его, и что поэтому его закрыли и никому не показывали; въ-четвертыхъ, то, что Александръ не-

однократно говорилъ, писалъ (и особенно часто въ послѣднее время), что онъ желаетъ только одного: избавиться отъ своего положенія и уйти отъ міра; въ-пятыхъ,—обстоятельство мало извѣстное,—то, что въ протоколѣ описанія тѣла Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красныя, что никакъ не могло быть на изнѣженномъ тѣлѣ императора.

Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывшимся Александромъ, то поводомъ къ этому было, во-первыхъ, то, что старецъ былъ ростомъ, сложеніемъ и наружностью такъ похожъ на императора, что люди (камерълакеи, признавшіе Кузьмича Александромъ), выдавшіе Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство: и одинъ и тотъ же возрастъ и та же характерная сутуловатость; во-вторыхъ, то, что Кузьмичъ, выдававшій себя за непомнящаго родства бродягу, зналъ иностранные языки и всѣми пріемами своими величавой ласковости обличалъ человѣка, привыкшаго къ самому высокому положенію; въ-третьихъ, то, что старецъ никогда никому не открылъ своего имени и званія, а между тѣмъ неволью прорывавшимися выраженіями выдавалъ себя за человѣка, когда-то стоявшаго выше всѣхъ другихъ людей; въ-четвертыхъ, то, что онъ передъ смертью уничтожилъ какія-то бумаги, изъ которыхъ остался одинъ листокъ съ шифрованными странными знаками и инициалами А. и П.; въ-пятыхъ, то, что, несмотря на всю набожность, старецъ никогда не говѣлъ. Когда же посѣтившій его архіерей уговаривалъ его исполнить долгъ христіанина, старецъ сказалъ: „Если бы я на исповѣди не сказалъ про себя правды, небо удивилось бы; если же бы я сказалъ, кто я,—удивилась бы земля“.

Всѣ догадки и сомнѣнія эти перестали быть сомнѣніями и стали достовѣрностью вслѣдствіе найденныхъ записокъ Кузьмича. Записки эти слѣдующія. Начинаются онѣ такъ:

I.

Спаси Богъ безцѣннаго друга Ивана Григорьевича *) за это восхитительное убѣжище. Не стою я его доброты и милости Божіей. Я здѣсь спокоенъ. Народа ходитъ меньше, и я одинъ съ своими преступными воспоминаніями и съ Богомъ. Постараюсь воспользоваться уединеніемъ, чтобы подробно описать свою жизнь. Она можетъ быть поучительна людямъ.

Я родился и прожилъ сорокъ семь лѣтъ своей жизни среди самыхъ ужасныхъ соблазновъ и не только не устоялъ противъ нихъ, но упивался ими, соблазнялся и соблазнялъ другихъ, грѣшилъ и заставлялъ грѣшить. Но Богъ оглянулся на меня, и вся мерзость моей жизни, которую я старался оправдать передъ собой и сваливать на другихъ, наконецъ, открылась мнѣ во всемъ своемъ ужасѣ. И Богъ помогъ мнѣ избавиться не отъ зла,—я еще полонъ его, хотя и борюсь съ нимъ,—но отъ участія въ немъ. Какія душевныя муки я пережилъ и что совершилось въ моей душѣ, когда я понялъ всю свою грѣховность и необходимость искупленія (не вѣры въ искупленіе, а настоящаго искупленія грѣховъ своими страданіями), — я расскажу въ своемъ мѣстѣ. Теперь же опишу только самыя дѣйствія мои: какъ я успѣлъ уйти изъ своего положенія, оставивъ вмѣсто своего трупа трупъ замученнаго . . . до смерти солдата, и приступлю къ описанію своей жизни съ самаго начала.

Бѣгство мое совершилось такъ.

Въ Таганрогѣ я жилъ въ томъ же безуміи, въ какомъ

*) Иванъ Григорьевичъ Латышевъ, это крестьянинъ села Краснобрѣчинскаго, съ которымъ Оедоръ Кузьмичъ познакомился и сошелся въ 1839 году и который, послѣ разныхъ перемѣнъ мѣста жительства, построилъ для Кузьмича въ сторонѣ отъ дороги, въ горѣ, надъ обрывомъ въ лѣсу, келью. Въ этой кельѣ и началъ Кузьмичъ свои записки.

жилъ всѣ эти послѣдніе двадцать четыре года. Я—величайшій преступникъ.
.
. . . вѣрилъ тому, что мнѣ про меня говорили, считалъ себя спасителемъ Европы, благодѣтелемъ человѣчества, исключительнымъ совершенствомъ, *un heureux hasard* *), какъ я сказалъ это *m-me Staël*. Я считалъ себя такимъ, но Богъ не всѣмъ оставилъ меня, и недремлющій голосъ совѣсти, не переставая, грызъ меня. Все мнѣ было нехорошо, всѣ были виноваты. Одинъ я былъ хорошъ, и никто не понималъ этого. Я обращался къ Богу, молился то православному Богу съ Фотиємъ, то католическому, то протестантскому съ Парротомъ, то иллюминатскому съ Крюденеръ. Но и къ Богу я обращался только передъ людьми, чтобы они любовались мною. Я презиралъ всѣхъ людей, а эти-то презрѣнные люди,—ихъ мнѣніе только и было для меня важно, только ради него я жилъ и дѣйствовалъ. Одному мнѣ было ужасно. Еще ужаснѣе съ нею, съ женою. Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная и вся притворство,—она хуже всего отравляла мою жизнь. *Nous étions censés* **) нашу новую жизнь *lune de miel* ***), а это былъ адъ въ приличныхъ формахъ, притворный и ужасный ****).

*) Счастливой случайностью.

**) Полагали, что мы проживали.

***) Медовый мѣсяцъ.

****) По изданной В. К. Николаемъ Михайловичемъ обширной перепискѣ жены Александра, императрицы Елизаветы Алексѣевны, Левъ Николаевичъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что изобразилъ ее въ своихъ „Запискахъ Ѳедора Кузьмича“ не такой, какой она въ дѣйствительности была. Судя по этимъ письмамъ, она представляется личностью высшихъ душевныхъ качествъ, замѣчательно умной, сердечной и благородной. Левъ Николаевичъ говорилъ, что, въ виду этого, онъ, быть-можетъ, и измѣнилъ бы свою характеристику Елизаветы Алексѣевны, если бы сталъ продолжать свою работу надъ

Одинъ разъ мнѣ особенно было гадко. Я получилъ наканунѣ письмо отъ Аракчеева объ убійствѣ его любовницы. Онъ описывалъ мнѣ свое отчаянное горе. И, удивительное дѣло: его постоянная тонкая лесть, не только лесть, но настоящая собачья преданность, начавшаяся еще при отцѣ, когда мы вмѣстѣ съ нимъ, тайно отъ бабушки, присягали ему,—эта собачья преданность его дѣлала то, что если я любилъ въ послѣднее время кого изъ мужчинъ, то любилъ его; хотя и неприлично употреблять это слово „любилъ“, относя его къ этому извергу. Связывало меня съ нимъ еще и то, что онъ не только не участвовалъ въ убійствѣ отца, какъ многіе другіе, которые именно за то, что они были участники мнѣ были ненавистны,—онъ не только не участвовалъ, но былъ преданъ отцу и преданъ мнѣ. Впрочемъ, про это послѣ.

Я спалъ дурно. Странно сказать, убійство красавицы, злой Настасьи (она была удивительно чувственно красива) вызвало во мнѣ похоть, и я не спалъ всю ночь. То, что черезъ комнату лежитъ чахоточная, постылая жена, не нужная мнѣ, злило и еще больше мучило меня. Мучили и воспоминанія о Мари (Нарышкиной), бросившей меня для ничтожнаго дипломата. Видно, и мнѣ и отцу суждено было ревновать къ Гагаринымъ. Но я опять увлекаюсь воспоминаніями. Я не спалъ всю ночь. Стало разсвѣтать. Я поднялъ гардину, надѣлъ свой бѣлый халатъ и кликнулъ камердинера. Всѣ еще спали. Я надѣлъ сюртукъ, штатскую шинель и фуражку и вышелъ мимо часовыхъ на улицу.

Солнце только-что поднималось надъ моремъ, былъ свѣ-

Федоромъ Кузьмичемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не скрывалъ и того, что ему жалко было бы разстаться съ своимъ первоначальнымъ представленіемъ о ней и о взаимныхъ отношеніяхъ между обоими супругами, важнымъ для художественнаго обоснованія „ухода“ Александра I.

Примѣч. В. Г. Черткова.

жіій осенній день. На воздухъ мнѣ сейчасъ же стало лучше. Мрачныя мысли нечезли, и я пошелъ къ игравшему мѣстами на солнцѣ морю. Не доходя до угла съ зеленымъ домомъ, я услыхалъ съ площади барабаны и флейты. Я прислушался и понялъ, что на площади происходила экзекуція: прогоняли сквозь строй. Я, столько разъ разрѣшавшій это наказаніе, никогда не видалъ этого зрѣлища. И странное дѣло (это, очевидно, было дьявольское вліяніе), мысли объ убитой чувственной красавицѣ Настасѣ и объ разрѣшаемомъ шпицрутенами тѣлѣ солдата сливались въ одно раздражающее чувство. Я вспомнилъ о прогнанныхъ сквозь строй семеновцахъ и о военно-поселенцахъ, сотни которыхъ были загнаны на-смерть, и мнѣ вдругъ пришла странная мысль посмотрѣть на это зрѣлище. Такъ какъ я былъ въ штатскомъ, я могъ это сдѣлать.

Чѣмъ ближе я шелъ, тѣмъ явственнѣе слышались барабанная дробь и флейта. Я не могъ ясно рассмотреть безъ лорнета своими близорукими глазами, но видѣлъ уже ряды солдатъ и движущуюся между ними высокую, съ бѣлой спиной фигуру. Когда же я сталъ въ толпѣ людей, стоявшей позади рядовъ и смотрѣвшей на зрѣлище, я досталъ лорнетъ и могъ рассмотреть все, что дѣлалось. Высокій человѣкъ съ привязанными къ штыку обнаженными руками и съ голой, кое-гдѣ алѣвшей уже отъ крови, разрѣченной бѣлой сутулой спиной, шелъ по улицѣ солдатъ съ палками. Человѣкъ этотъ былъ я, былъ мой двойникъ. Тотъ же ростъ, та же сутулая спина, та же лысая голова, тѣ же баки, безъ усовъ, тѣ же скулы, тотъ же ротъ и тѣ же голубые глаза; но ротъ не улыбающійся, а раскрывающійся и искривляющійся отъ вскрикиваній при ударахъ, и глаза не умильные, ласкающіе, а страшно выпяченные и то закрывающіеся, то открывающіеся.

Когда я взглянулъ въ лицо этого человѣка, я узналъ его. Это былъ Струменскій, солдатъ, лѣво-фланговый унтеръ-офи-

церь 3-й роты Семеновскаго полка, въ свое [время]*) извѣстный всѣмъ гвардейцамъ по своему сходству со мной. Его шутя называли Александромъ II.

Я зналъ, что онъ былъ вмѣстѣ съ бунтовавшими семеновцами переведенъ въ гарнизонъ, и понялъ, что онъ, вѣроятно, здѣсь, въ гарнизонѣ, сдѣлалъ что-нибудь, вѣроятно, бѣжалъ, былъ пойманъ, и вотъ наказывается. Какъ я потомъ узналъ, такъ это и было.

Я стоялъ, какъ заколдованный, глядя на то, какъ шагаль этотъ несчастный и какъ его били, и чувствовалъ, что что-то во мнѣ дѣлается. Но вдругъ я замѣтилъ, что стоявшіе со мной люди, зрители, смотрятъ на меня; одни сторонятся, другіе приближаются. Очевидно, меня узнали. Увидавъ это, я повернулся и быстро пошелъ домой. Барабаны все били, флейта играла; стало-быть, казнь все продолжалась. Главное чувство мое было то, что мнѣ надо было сочувствовать тому, что дѣлалось надъ этимъ двойникомъ моимъ. Если не сочувствовать, то признавать, что дѣлается то, что должно; и я чувствовалъ, что я не могъ. А между тѣмъ я чувствовалъ, что если я не признаю, что это такъ и должно быть, что это хорошо, то я долженъ признать, что вся моя жизнь, всѣ мои дѣла—все дурно, и мнѣ надо сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: все бросить, уйти, исчезнуть.

Чувство это охватило меня. Я боролся съ нимъ; я то признавалъ, что это такъ и должно быть, что это печальная необходимость, то признавалъ, что мнѣ надо было быть на мѣстѣ этого несчастнаго. Но, странное дѣло, мнѣ не жалко было его, и я, вмѣсто того, чтобы остановить казнь, только боялся, что меня узнають, и ушелъ домой.

*) Слова въ прямыхъ скобкахъ вставлены редакторами изданія посмертныхъ художественныхъ произведеній Л. Н. Толстого.

Скоро перестало быть слышно барабаны, и, вернувшись домой, я какъ будто освободился отъ охватившаго меня тамъ чувства, выпилъ свой чай и принялъ докладъ отъ Волконскаго. Потомъ обычный завтракъ, обычныя, привычныя, тяжелыя, фальшивыя отношенія съ женой; потомъ Дибичъ и докладъ, подтверждавшій свѣдѣнія о тайномъ обществѣ. Въ свое время, описывая всю исторію своей жизни, опишу, если Богу будетъ угодно, все подробно; теперь же скажу только, что и это я внѣшнимъ образомъ принялъ спокойно. Но это продолжалось только до конца обѣда. Послѣ обѣда я ушелъ въ кабинетъ, легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ.

Едва ли я проспалъ пять минутъ, какъ толчокъ во всемъ тѣлѣ разбудилъ меня, и я услыхалъ барабанную дробь, флейту, звуки ударовъ, вскрикиванія Струменскаго и увидалъ его или себя,—я самъ не зналъ, онъ ли былъ я, или я былъ я,—увидалъ его страдающее лицо и безнадежныя подергиванія и хмурыя лица солдатъ и офицеровъ. Затменіе это продолжалось недолго; я вскочилъ, застегнулъ сюртукъ, надѣлъ шляпу и шпагу и вышелъ, сказавъ, что пойду гулять.

Я зналъ, гдѣ былъ военный госпиталь, и прямо пошелъ туда. Какъ всегда, всѣ засуетились. Заныхавшись, прибѣжалъ главный докторъ и начальникъ штаба. Я сказалъ, что хочу пройти по палатамъ. Во второй палатѣ я увидалъ плѣшивую голову Струменскаго. Онъ лежалъ ничкомъ, положивъ голову на руки, и жалобно стоналъ.—Былъ наказанъ за побѣгъ,—доложили мнѣ.

Я сказалъ: „А!“ и сдѣлалъ свой обычный жестъ того, что слышу и одобряю, и прошелъ мимо.

На другой день я послалъ спросить: что Струменскій? Мнѣ сказали, что его причастили, и онъ умираетъ.

Это былъ день именинъ брата Михаила. Былъ парадъ и служба. Я сказалъ, что нездоровъ послѣ крымской поѣздки, и не пошелъ къ обѣднѣ. Ко мнѣ опять пришелъ Дибичъ и докладывалъ опять о заговорѣ во второй арміи, напоминая